

Александр Сергеевич Пушкин

**Стихотворения неизвестных
годов**

Александр Сергеевич Пушкин

Стихотворения

неизвестных годов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22138502
Стихотворения неизвестных годов:

Аннотация

«...С пятнадцатой весною, Как лилия с зарею, Красавица цветет; И томное дыханье, И взоров томный свет, И груди трепетанье, И розы нежный цвет – Всё юность изменяет...»

Содержание

Старик (из Марота)	4
К Делии	5
Делия	6
Фавн и пастушка. Картины.	7
Погреб	17
«И останешься с вопросом...»	19
«От всенощной вечор идя домой...»	20
«Я сам в себе уверен...»	21
Couplets	22
Эпиграмма	24
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»	25
Надпись к беседке	26
«Вот Виля – он любовью дышет...»	27
На гр. А. К. Разумовского.	28
На баболовский дворец	29
«Пожарский, Минин, Гермоген...»	30
Эпиграмма на смерть стихотворца	31
Портрет	32
Сравнение	33
На Пучкову	34
Твой и мой	35
«Тошней идиллии и холодней, чем ода...»	36

**Александр
Сергеевич Пушкин
Стихотворения
неизвестных годов**

Старик (из Марота)

Уж я не тот Философ страстный,
Что прежде так любить умел,
Моя весна и лето красно
Ушли – за тридевять земель!
Амур, свет возраста златого!
Богов тебя всех боле чтил:
Ах! естли б я родился снова,
Уж так ли бы тебе служил.

К Делии

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви золотая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покотился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
Где ток уединенный
Сребристые волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, – я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

Делия

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою –
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был:
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл –
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как бывало был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей –
Делия стыдится?...
Что теперь сравнится
С долею моей!

Фавн и пастушка. Картины.

I

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет –
Всё юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
С волшебницей мечтою;
И тихою тоскою
Исполнит сердце он –
И Лила в сновиденьи

Вкушает наслаждение
И шепчет «О Филон!»

II

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетом, смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышешь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет,
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;

И ветры притаились,
Где царствует любовь...

Ш

Но кто там, близ пещеры
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона –
Прекрасного Филона
Давно соперник он....
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет,
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.

Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали –
И фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг – сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек:

Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышет;
И Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Река – ее могила...
Нет! Лила спасена.

V

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;

Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру –
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти легким стоном
Прервалась тишина...
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов:
«Прости, любовь и радость! –
Со вздохом молвил он: –
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним

Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он смутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него....
«Ты ль это, брат любезный? –
Вскричал Сатир седой: –
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! – молвил Фавн уныло:
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви».
«Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвеньё
В кувшине почерпай,
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала

Амур уже забыт.

VII

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спешి любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII

Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы

Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.
В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних дет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,

Напел свой фидал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лида! я в покое –
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости – другое.
Бывало я тобой
В безумии пленялся,
Бывало восхищался
Коварной красотой.
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Что было – то прошло».

Погреб

О сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалюю
В конец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Боченок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь, –
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

«И останешься с вопросом...»

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?»»

«От всенощной вечер идя домой...»

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, – кричит, – управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
– Тебе ль грозить! – Марфушка отвечает:
Ванюша – что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

«Я сам в себе уверен...»

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленькой Каверин,
Лицейской Молоствов.

Couplets

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape –
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!

On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là-hout.
Souvent – le cas n'est pas si rare –
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse –
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez – adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Эпиграмма

«Скажи, что нового». – Ни слова.

«Не знаешь ли, где, как и кто?»

– О братец, отвязись – я знаю только то,

Что ты дурак... но это уж не ново.

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи...»

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал».
«Да, слышал, слышал: в банк играл».

Надпись к беседке

С благоговейною душой
Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз
В восторге пламенном погас.
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

«Вот Виля – он любовью дышет...»

Вот Виля – он любовью дышет,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

На гр. А. К. Разумовского.

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
– Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

На баболовский дворец

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его – здесь у твоих он ног.

«Пожарский, Минин, Гермоген...»

Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.

Слог дурен, темен, напыщен –

И тяжки словеса пустые.

Эпиграмма на смерть стихотворца

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи. –
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

Портрет

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин.
Всегда, за всё, во всех местах,
Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой –
И вмиг он дипломатик.

Сравнение

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Дебрео была лишь запятая,
А у меня две точки с запятой.

На Пучкову

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

Твой и мой

Бог вестъ за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученою толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.
Что, ежели б ты не была *моею*?
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой*?

«Тошней идиллии и холодней, чем ода...»

Тошней идиллии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт –
Как страшно над тобой забавилась природа,
 Когда готовила на свет.

Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
 Век ни любовницы, ни друга.